

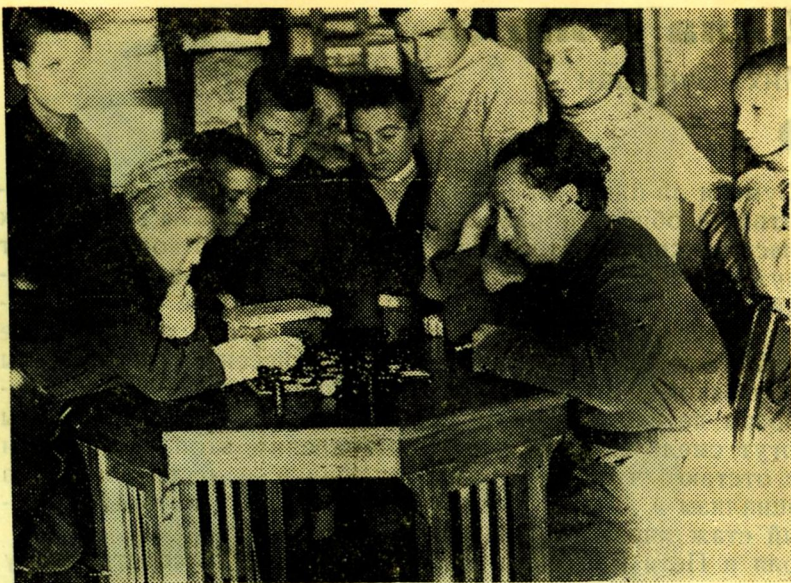
Дела и люди

Мих. Букшпан

„Сумели ли пионерские отряды, а с ними и все дети включиться в общую борьбу партии и комсомола на важнейших участках соцстроительства? Ответом на этот вопрос могут служить тысячи самых разнообразных фактов участия детей в борьбе за промфинпланы, за скорейшее осуществление индустриализации, за выполнение пятилетки в четыре года“. Это были первые слова, произнесенные с трибуны всесоюзной партийно-комсомольской конференции по вопросам детского коммунистического движения. Дзержинцы могут смело сказать, что в выполнении этой задачи они не отстают, что они сумели включить в ряды бойцов за социализм и детей — детей улицы, детей, у которых уличный стаж иногда больше пионерского.

Коля и Петя Братчины — близнецы. Коля, по собственному выражению, старше Пети на 5 минут. Когда они стоят рядом, их не отличишь друг от друга; разве только по тому, что у Пети родинка на шее. Когда они пришли в Коммуну, осенью 1931 года, им было 9 лет и за ними числилось полтора года уличного стажа. Собственно они в Коммуну не пришли — их изъяли во время облавы, где они друг с другом встретились. Они обратили на себя внимание исключительной привлекательностью, живостью, сообразительностью. В комнате, куда были собраны изъятые во время облавы беспризорные, пришедшие два „дзержинца“ и один чекист были выслушаны молча. Однако, очень скоро в комнате стало чрезвычайно шумно. Из всего шума выделялись голоса и ругань Коли и Пети Братчиных и их „корешка“ Витьки Кидалова.

Коля и Петя успели бежать из многих детских домов, обкрасть своих домашних, изъездить сотни километров по железной дороге. А тепер Коля — командир 13 отряда, способный ученик младшей подготовительной группы, активный пионер и член совета командиров. Коля Братчин — застрельщик интернациональной связи коммунаров с революционерами, сидящими в европейских тюрьмах. На эту мысль его навели делегаты международного конгресса МОПР'а. Его младший брат, подчиненный ему по отряду, несколько менее инициативен, менее аккуратен. Коля Братчин премирован за умелое, экономное ношение обуви и

Коля Братчин и т. Букшпан играют в шахматы в тихом клубе

сохранение коммунарского костюма. Оба Братчины работают на заводе электросверлилок, в учебно-инструментальной бригаде, а ранее в коммунарском „Союзтрансе“. Коммунарский „Союзтранс“ — это организация малышей, возвестившая о целях и задачах своих следующим плакатом, вывешенным во всех помещениях Коммуны:

Коммунарский „СОЮЗТРАНС“ принимает поручения:

- 1) по переноске деталей и инструментов;
- 2) по выписке и доставке из кладовой деталей и инструментов;
- 3) по передаче записок и распоряжений;
- 4) по разысканию нужных товарищей.

Обращайтесь к командирам „Союзтранса“ тов. Колотилкову и тов. Иванову IV.

„Союзтранс“ имеет агентуру во всех отделах Коммуны.

Союзтранс выполняет все поручения быстро, аккуратно и дешево.

Коммунарский „Союзтранс“ — организация чисто производственная, чрезвычайно полезная, давшая основные кадры для учебно-инструментальной бригады Дети — проказники, но дети своего класса, активные маленькие строители огромной социалистической стройки. Вот Лихачев, которого в Коммуне называют „Мустафа“. В Коммуне он всего пол-

года, а уличный у него стаж $3\frac{1}{2}$ года. Исколесил страну от Вятки до Севастополя. Бежал из детских домов: в Вятке, Кинешне, Иваново-Вознесенске. Это яркий тип тех беспризорных, о которых раздраженный обыватель в пылу гнева неистово орал: „душить их надо“. „Мустафа“, которого, вероятно, не раз хотели „душить“—лучший математик в своей группе, прекрасно работает на сборке штативов и очень дельно выступает по производственным вопросам. Ленька Алексюк. Он очень мал ростом, худенький, на вид не смел, несмотря на свои 15 лет. Втихомолку ужасный проказник и шалун, очень мало дисциплинирован. Он бежал из Галиции, где был пастухом; долго шатался по украинской деревне. Алексюк, не выдающийся по учебе, верный солдат на производственном посту и за все время пребывания в Коммуне, несмотря на свои индивидуальные недостатки, ни разу не держал ответа за производственные нарушения. Их не было. Алексюк сумел понять всю важность Коммуны и завода.

Это все из младшего поколения Коммуны. Они только сейчас вступают в строй.

На смену уходящим.

Ибо в этом году в Коммуне первый организованный выпуск окончивших рабфак, имеющих твердую производственную квалификацию, стаж общественно-политической работы, передовых комсомольцев-коммунаров. Агеев Шура полтора года был на улице. Отец—крестьянин, давно умер. Шура очень хорошо развит. Очень культурен и дисциплинирован. Чрезвычайно активен, несмотря на слабые организаторские способности. Огромная склонность к литературной работе, чрезвычайно много читает, очень любит дискутировать на литературные темы. Лучший сборщик на заводе. Председатель всех секций литературного кружка. Единственный коммунарь, носящий очки, за что прозван „Гарри Ллойдом“.

Федя Борисов, москвич, сын рабочего кожевника, давно умершего. Никаких родственников. С малых лет в детских домах. Очень способный и развитой. Серьезен, приветлив, культурен, любознателен, читает, но скептик. Педагоги говорят, что это плод долгого пребывания в детских домах. На производстве исправен, но больше склонен к интеллигентному труду. Работает в секции прозы литкружка. Большой любитель шумовой музыки, но пока играет только на тарелках, чашках, стульях и всякой мебели. Общественных нагрузок ужасно не любит и в комсомоле только рядовик.

Шура Захой

Дорошенко Вася родом с Урала. О родственниках ничего не знает. В Коммуне 5 лет. Занимал командные высоты — был секретарем совета командиров. В силу своего медлительного характера к сторонникам твердой власти не принадлежит. Хороший поэт, в оркестре он альт, в коллективе — активист-комсомолец. На производстве прекрасный работник.

Миша Долинный, комсомолец, не плохой организатор; ему помогает хороший такт и огромная симпатия, которую неизменно к себе вызывает. Парень „на большой палец“. В биографии ему подвезло: он улицы не знает; во время голода попал в детские дома. Прекрасный характер. Мишу в Коммуне все любят: он добрый и сильный, культурный, самый лучший кузнец в Коммуне. Сейчас Миша студент электротехнического вуза.

Захой Шура. Черномазый, глаза сверкают, умное лицо. Добродушный. Передовик. Замечательно бодрый, остроумный, всегда искрится шуткой. Хороший организатор. Агитмасс комсомольского коллектива, политически зрелый, очень общительный, весьма живой участник коллектива. Пролетарское происхождение — покойный отец рабочий Мариупольского завода — очень ярко на нем сказалось. Шура всегда поднимает самые маленькие вопросы на принципиальную высоту классовой борьбы. Но в занятиях напора не чувствуется, его качества больше преломляются в работе на шлифовальном станке.

Каплуновский. Имя его известно только в канцелярии Коммуны. Прибыл в Коммуну в 1929 году, имея за спиной почти двухгодичный уличный стаж. Следы улицы у Каплуновского исчезли с молниеносной быстротой. По способностям, трудолюбию и дисциплине он выделяется; всегда

активный комсомолец. Это он убедительно и дельно рапортовал чекистскому коллективу в декабре 1931 года о первой выпущенной советской сверлилке, о первой в мире марке электроинструмента — „ФД1“. Каплуновский — будущий специалист военно-морского дела.

Фомичев, самый старший и самый высокий, коммунарь, член Харьковского городского совета рабочих депутатов, где работает в секции по борьбе с детской беспризорностью. Собственный житейский опыт позволяет ему быть весьма активным в этой отрасли горсоветской работы. Способный, развитой, политически зрелый — он активен и общителен. Прекрасный токарь. Но вот в характере какое то легкомыслие, которое ему подчас трудно пересилить. Вот как о нем отзываются педагоги: „Фомичев был в высшей степени ленив, неаккуратен, рассеян и груб. Не раз приходилось ставить вопрос чуть ли не о том, чтобы Фомичева удалить из Коммуны. Но Фомичева воспитали, сделали из него образцового коммунаря. Теперь, если напомнить ему о прошлом, он улыбнется во весь рот и скажет: „А ведь в самом деле“.

Ныне „маршал“ Фомичев — передовик, состоит во всех комиссиях, секретарь цеховой комсомольской ячейки. Всякое дело сделает добросовестно, четко, всегда даст ясный ответ. У Фомичева большое стремление к автомобилю, пока в части практической, больше насчет того, чтобы „крутить бублик“. Во время посещения Коммуны испанской рабочей делегацией ему задали „ехидный“ вопрос: он вступил в комсомол добровольно, принудительно ли и почему вступил? Фомичев сумел ответить так внушительно, что ехидничавшие прикусили язык.

Вася Ключник. О нем говорят, что он „похож на Дантеса, но очень плохо знаком с Пушкиным“. Самая лучшая в Коммуне психика, вызывающая зависть подростков. Интересуется многими областями. Свою активность применил на ликвидации безграмотности среди крестьян близлежащего поселка. Ключник — передовик, один из тех, на кого опираются в коллективной работе. Замечательный токарь на заводе, самый мягкий характер в коллективе.

Миша Певень — с большим уличным стажем в 4 года. Сейчас токарь-ударник. Часто бывал первым учеником, очень способен и трудолюбив. Большой уличный стаж оставил следы: Певень очень впечатлителен. Он краса валебольной команды, гордость велосипедистов, солист оркестра. И к тому же красивая внешность! Его путь морского инженера сулит ему очень много хорошего.

Володя Козырь

Сеня Никитин — один из самых серьезных и крепких коммунаров. В самокритике и критике — первый откровенник. Специальностей много: столяр, электромонтер, киномеханик, токарь. Прошел все стадии коммунарской общественности — от столовой комиссии до секретаря совета командиров. Теперь несколько замкнут, настолько сильно ушел в учебу.

Суля Швед. В Коммуну пришел в июле 1929 г. — добрался сам из Умани; с улицей знаком мало — всего 4 месяца. Самая популярная личность в коммуне, самый популярный представитель дзержинцев во внешнем мире. Наиболее активный политический деятель и первый политический „оратор“ в Коммуне. Бывший представитель штаба соцсоревнования, затем секретарь совета командиров, теперь секретарь комсомольского коллектива. Политическую сущность всякого вопроса впитывает как губка. Обладает даром слова, быстротой хватки. Умело руководит. Шведа можно послать на самое ответственное политическое дело в Коммуне — он провернет любой вопрос. Своей политической зрелостью Швед нередко поражает, и поэтому Швед присяжный ответчик и приветчик. Постоянный оратор на самых ответственных торжественных заседаниях и собраниях, при чем что надо говорить и как надо говорить Швед всегда знает сам. У Шведа прекрасная память. Ему нельзя ничего не только обещать, но и полуобещать: обязательно будет напоминать десятки раз, пока не добьется обещанного. Швед — всеобщий любимец. Отсюда избалованность, некоторое „головокружение“, одно время даже „забюрократился“, так ему и сказали на комсомольском собрании, когда обсуждался вопрос о передаче его в партию. Самолюбивый Швед ушел в себя, недолго погрустил, быстро

сделал выводы для себя — и тем самым снова вырос. Сразу своих ошибок он никогда не признает, но немного спустя делает все, чтобы ошибку выправить. Швед формально выпускник, по должности теперь завклуб, а по существу хоть избалованный, но способный комсомольский вожак Коммуны.

Наш список биографий и характеристик можно было бы продолжить. Выпускаем около двух десятков хорошо грамотных, политически активных, производственно-обученных юношей, вырванных из лап улицы и нищеты. Два десятка вторично родившихся жизней!

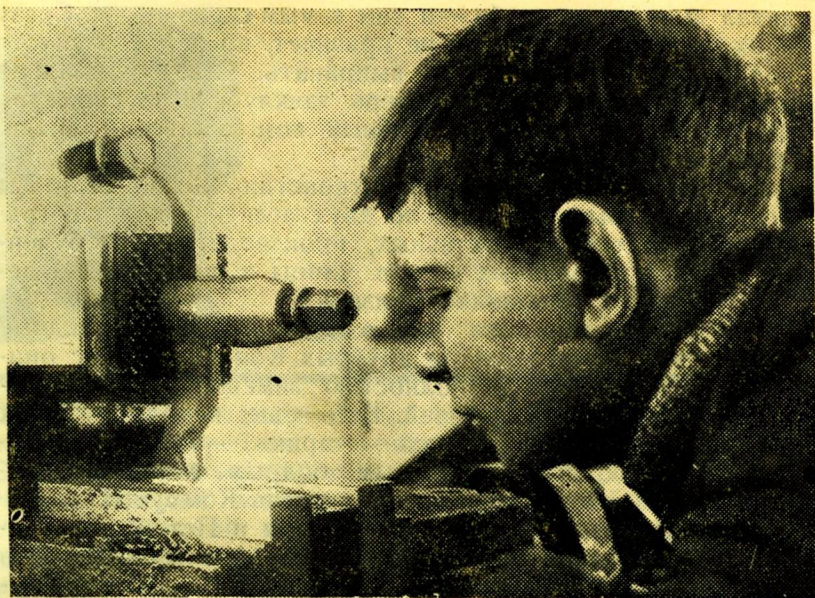
Многие из них занимают уже в Коммуне полукомандные высоты; это те столпы, на которых Коммуна сейчас опирается. Они целиком и полностью замещают отсутствующих в Коммуне воспитателей. Есть еще немало старших коммунаров (3 курс рабфака — старики) — и все они вместе являются крепким, здоровым, бодрым и крепко действующим ядром,двигающим всю жизнь Коммуны.

Вот Витя Кидалов, „корешок“ Кольки и Петька Братчиных. С трехлетним уличным стажем, составляющим треть его жизни. Витька Кидалов часто является обузой для Коммуны. Долголетний уличный стаж оставил на Витьке невытравленный еще за год огромный шрам — ругань, куренье, грязь, ложь. Никто с Витькой не в состоянии справиться. Имеющий долголетний стаж педагогической работы Антон Семенович Макаренко уже отчаивался:

— Витька совершенно неисправим, Витьку нужно удалить. Но как удалить Витьку, нами же подобранного с улицы, Витьку, который бежал из десятка детских домов, Витьку, который при одном напоминании об удалении из Коммуны закатывает душераздирающие истерики?

— И что же? Нам, такому коллективу, переварившему не один десяток ребят, взятых непосредственно с улицы, освоившему сложно-технические процессы, разбирающемуся в менделеевских формулах, изучающему ленинизм, — нам не справиться с Витькой? — возмущается Вася Камардинов — один из лучших коммунаров, ближайший друг и неразлучный приятель Шведа, его же зам по комсомольскому коллективу.

И Вася Камардинов решением совета командиров становится коммунарским отцом Витьке Кидалову. Сыну — 9 лет, отцу — 18. Вася ежедневно за ручку ведет Витьку в столовую, школу, потом на завод, подробно расспрашивает у Витьки о результатах работы, учебы, проверяет его заявления и сообщения, следит за его одеждой. Вася проявил

Коммунар Голубенко за „Шепингом - Кейстон“.
Голубенко старый коммунар, славится шалостью на уроках и веселым характером. По клубной работе — заедающий сценой.

очень большие отцовские способности,— они ли не увенчаются успехом?

Ко всем этим зарисовкам людей остается прибавить дела. Семь тысяч электросверлилок, ранее ввозившихся из-за границы за валюту, ныне изготавливаются на коммунарском заводе, из советского материала. В 1933 году, кроме новых семи тысяч сверлилок, будет изготовлено тысячу пятисот электрошлифовалок (также освобождающих страну от импорта), полторы тысячи крупных сверлилок. Вот огромное дело, которое совершают эти маленькие люди.

Бывшие — будущие

Куприй. Семи лет я лишилась отца и матери. У меня никого не осталось, кроме маминой сестры. После смерти матери мне негде было приютиться, так как о детских домах я еще ничего не слыхала. Мне осталось только одно — пойти на службу нянькой.

Но на помощь мне пришла мамина сестра. Она забрала меня к себе, пока я немного подросла. У нее я прожила три года, а потом она отдала меня в Крелевецкий детский дом. Это было в 1924.

Тут мне пришлось пережить очень много трудностей. Жизнь детдома, хотя и веселая, но трудная: часто приходилось голодать, иногда по неделям ели один борщ без хлеба и больше ничего. Одевали нас в детдоме очень плохо. Зимой, когда уже лежал снег на дворе, все дети еще бегают босые и раздетые, а если у кого было что-либо из одежды, то все рваное или на другой день и это пропадало. Учиться в школе было трудно и только потому, что некогда было смотреть за всеми этими недостатками. Были воспитатели, но они смотрели за тем, чтобы их самих никто не трогал и не обворовывал. Были случаи, когда воспитанники били своих воспитателей, ругали их, но воспитатели на это обращали мало внимания. Наказывать этих ребят было некому, потому что сами воспитатели боялись это делать. Жили так, как и на улице, разница только та, что было где поспать, поесть.

Все эти шесть лет моей жизни в детдоме тянулись почти однообразно. Перемена была лишь в том, что я переходила из одной группы в другую. На седьмом году своего пребывания в детском доме я попала в Коммуну им Дзержинского. Тут я увидела совсем иную жизнь. Здесь в Коммуне я учусь, работаю, начинаю культурно развиваться. Здесь я чувствую себя свободной, принимаю участие в комсомольской организации.

Уже год, как я в Коммуне. Этот год дал мне очень много. Я учусь на втором курсе рабфака, получаю квалификацию на заводе, имею культурно-политическое развитие.

Кляммер. Родился я в гор. Харькове в 1917 г. Отец был убит во время Октябрьской революции. С матерью я жил до 1924 г., когда она умерла от брюшного тифа, и я остался

один. Сначала меня взяла тетка, потом приехал дядя из Ленинграда и взял меня к себе. Жить у него было плохо, он часто бил меня, ругал. Я убежал от него и попал на улицу. Все лето я был на улице, а осенью меня забрали в детдом; тут тоже было скверно. Работали в игрушечной мастерской и учились.

Весной я с ребятами поехал в Крым, а нас на пути в Тверь поймали в вагоноприемник и отправили в Ленинград. В Ленинграде нас отослали в детдом им. Ворошилова, где я работал в столярной мастерской и учился.

Весной 1928 г. нас собралось пять человек и мы поехали на Украину — в Харьков, где попали снова в вагоноприемник. Оттуда мы удрали в первую же ночь. Пробыв на улице год, я был пойман на вокзале в Харькове во время облавы и отослан в коллектор. В коллекторе работал в сапожно-столярных мастерских и учился в третьей группе. В 1930 г. меня отослали в Коммуну. Живу я тут третий год. Работаю в инструментальном цеху.

●
Зорин. На улице пробыл около трех лет, в течение которых изъездил вдоль и поперек нашу страну. Жизнь на улице — это своего рода школа, которая дает самостоятельность действий и ту спаянность между товарищами, которую трудно где-либо встретить. До Коммуны был в детдомах.

В Коммуне им. Дзержинского я прожил 5 лет, в течение которых многому научился. В Коммуну я пришел неграмотный, не мог правильно писать двух слов, а за эти 5 лет я стал студентом 2-го курса рабфака. Если взглянуть на старую, отошедшую жизнь до коммуны, то кажется странной та жизнь.

●
Звягин. В Коммуне я нахожусь третий год — со 2 мая 1930 г. Поступил сюда с улицы. Вообще же я много кое-где побывал. На улице я был с 1927 г., а с 1928 г. был в разных детских домах, бывал и в колониях, но как и в детских домах, так и в колониях был мало. Всего за десять лет только два с половиной года, а остальное время провел на улице. Понятно, что на улице сперва показалось очень плохо, но это только сперва, а потом втянулся.

Родился я недалеко от города Воронежа в селе Трещовка. Понятно, в селе жилось плохо и некультурно. Работал я там у кулаков с семи лет, которые, несмотря на то, что

я был мальчиком, все равно эксплуатировали меня и платили очень мало. Это и заставило меня пойти на улицу. Где я ни бывал, меня отовсюду выгоняли. Понятно, в этом была моя вина, ибо я связывался с такими товарищами, которые занимались кражей, и по дисциплине вел себя нехорошо. В Коммуне совсем противоположное положение. Во-первых, тут имеется хороший завод. Я работаю в ремонтном отделении, где работа интересная и полезная. Учусь на первом курсе рабфака, тут тоже можно многое получить.

В Коммуне мне нравится не только то, что здесь условия жизни хорошие, но и то, что она дает перспективу к дальнейшему.

Я думаю из Коммуны выйти слесарем-ремонтником по станкам, по общеобразовательной линии у меня будет среднее образование.

Кроме этого, Коммуна воспитывает людей политически, воспитывает их как организаторов. Я, например, по приходе в Коммуну ничего не знал о линии партии и не хотел ничего об этом слушать, но теперь я уже понял, что комсомол и партия — это наша мать и отец.

Я на сегодняшний день секретарь комсомольской ячейки, которая насчитывает в своих рядах 59 человек.

●
Дорохов. Родился в Москве, когда — не помню. Мать свою не знаю совсем, отца видел только один раз, грязного, плохо одетого, но зато хорошо вооруженного. Отец погиб в бою на улицах Москвы. Мне было 6 лет, я ушел из детского дома прямо на Курский вокзал. Вскоре я познакомился с группой красноармейцев и по разрешению командира был взят на бронепоезд, который выезжал на Украину.

В Люботине мы простояли зиму, потом меня отдали в детский дом. Я оттуда ушел, пробыл на воле около пяти лет, не заходя ни в какие учреждения, а шлялся по Украине. Я перебивал во всех детских домах Харьковского округа и нигде не мог ужитья.

Попав в Коммуну в 1930 г., я почувствовал, что попал в кипящую лаву, которая способна выварить все остатки прошлого из меня. Я попал в хорошо спаянный, крепкий, дружеский коллектив коммунаров.

В Коммуне Дзержинского любой беспризорный может забыть свое прошлое и взяться за дело наших отцов, погибших в боях.

Грушов. На улице я очутился очень рано и ничего не помню, где мои родители. С улицы я попал в окружной приемник. Болея там месяца два, оттуда меня забрали в детский дом в Харькове, по Змиевской улице. Этот детдом содержало какое-то правление, а не Нарообраз. Там жилось неважно. Пробыл там два года, потом попал в Ахтырху, где пробыл пять лет. Там мы работали на полях. В Ахтырке был целый городок, где жили беспризорные, он организовался в монастыре. Монахов выгнали совсем, а церкви уничтожили. В городке имелось три колонии. После этого я попал в коллектор, но еще раньше я просидел месяц в районе. В коллекторе я пробыл всего двенадцать дней и попал в набор, который производила Коммуна.

В Коммуне я уже пятый год. Работаю на производстве. Сперва в столярной работал один год, потом перевели в механическую столярного цеха, где проработал два года, а потом перешел в токарную, сперва на арматуру, а потом на ремонт станков. На новом производстве проработал полгода и перешел в инструментальный цех. Теперь работаю токарем-инструментальщиком.

Глебов. Четыре года прошло с того времени, как я влился в коллектив коммунаров-дзержинцев. Мне еще помнит я кустарное производство, школа, которая кончалась шестью группами, и коммунарский коллектив в 140 человек.

Прошло 4 года — и на глазах у всех нас, как грибы после дождя, выросли корпус, общежития, завод электроверлилок и мы сейчас продолжаем строительство нового завода фотоаппаратов „Лейка“.

На заводе я работаю с первого дня пуска. По своему желанию пошел работать на сборку машин, где нахожусь и поныне.

Школа и завод воспитали меня. Они показали действительно правильный путь, по которому я должен идти, чтобы выйти в люди.

Что было до Коммуны? Как сейчас помню — Одесса, 1924 год. Обстановка дома становится мне не по вкусу — вечные споры, наговоры мачехи отцу, всевозможная ложь обо мне заставляют меня покинуть дом.

С непривычки к уличным промыслам я шатаюсь с утра до вечера по улицам голодный. Но так продолжалось недолго. Я познакомился с ребятами и жить стало веселее. Но не-

Шура Чевелий

долго мы „гуляли“. Нас ловят в квартире с узлами всякой всячины и направляют в исправительный дом.

Но какое ж это исправление? Сажу в карцере с опытными ворами - профессионалами, которые приучают играть в карты, говорить на своем жаргоне, который в то время представлял для меня то же, что для слепого очки.

Но меня вскоре выпустили из карцера, и я находился в стенах исправительного дома. Через три дня нас четверо ночью убежало.

На следующий день нас ловят на „Ланжероне“ с краденым портфелем и снова сажают в исправительный дом. Опять карцер, карты, ругань.

В праздник Октябрьской революции нас ведут в кино летнего сада Допра. Удобный момент: в темноте мы снова удираем.

Следующий день запасаемся провизией и в 7 часов едем в Харьков. Приехали, когда уже было холодно. Везде снуют облавы. Нас также не пропускают, забирают и направляют в коллектор, а оттуда в Волчанск.

Снова скука, охота убежать. Сапожная и столярная мастерские, переплетная — все это должно было нас воспитывать.

В январе я и еще один парень, обокрав кладовые, удираем в Крым, приезжаем в Симферополь — здесь уже зеленеет трава, цветы растут и это нас еще больше подбодряет. Мы слезаем с поезда и идем на базар продавать остатки вещей. Поезд уходит и мы остаемся ночевать до следующего дня. Садимся возле горячего котла, раскладываем закуски, но тут к нам подходит милиционер и предлагает нам идти в Симферопольский детдом. Пришли. Дом на курьих ножках в один этаж, сарай, да посреди двора голубятня. Нас по-

звали в столовую, где уже занималась школа. После завтрака нас посылают чистить картофель на кухне. Но какие мы чистильщики? И нас оттуда освобождают. Бродим по двору — кругом бестолочь, валяется всякий хлам, окна без стекол, оборванные детдомовцы.

Снова убегаем. Еду в Севастополь, в Москву, бываю еще в ряде детдомов, оттуда также убегаю.

И вот снова в Харькове. Осень, облавы и я в 4-й раз попадаю в коллектор. Пробыл в нем зиму и 2 февраля меня и еще группу ребят отправляют в Коммуну. Ну, отсюда я уж не убегу.

●
Ветров. Мой отец в дни революции был председателем сельсовета в деревне Лозовой, Веселолопанского района, в котором я и родился. Мать моя умерла, когда я еще был ребенком. Отец женился вторично; мачеха избивала меня изо дня в день. Это были самые плохие дни моей жизни. В 1926 г. из нашей деревни убежал один мальчик, который через год приезжал к нам и рассказал мне, как можно попасть в Харьковский коллектор. В 1927 я убежал из дому. В коллекторе было хорошо, но через месяц приехал отец и уговорил возвратиться домой. Когда я приехал в деревню, надо мною все смеялись и я через полмесяца убежал обратно в коллектор, но попал я уже в ночлежку на Бородиновской улице. Здесь нас только кормили. Спали мы на грязном полу и одеты были во что попало.

Вокруг двора высокий забор и усиленная охрана милиции. Это было уже осенью. Падал липкий снег и моментально таял. Дул сильный северный ветер. Нас около 30-ти человек, раздетых и босых, вели в коллектор. Мы жались друг к другу и старались защититься под одним куском какого то тряпья по два человека. Я снова попадаю в коллектор по Малой Панасовке. Здесь было хорошо, кроме сна: спали мы вдвоем, втроем на одной койке. Через полмесяца нас около 20-ти человек отправляют в колонию Романовку.

Романовка — это деревня вблизи ст. Смородины. Колония насчитывает до 300 человек. Здание колонии очень старое и развалилось. При колонии — тоже развалившийся сахарный завод. Колония занималась сельским хозяйством. Школа была плохая и никакого интереса не было у колониста к окружающим. Целый день в коридорах писали на стенках, пекли картошку в печках и спали. Спальни были плохие, грязные, плохо расположенные: для того, чтобы

попасть в свою спальню, надо было пройти все остальные. Через 7 дней из присланных 20-ти человек осталось пять, остальные убежали куда то искать лучшего.

Из Романовки меня и еще двух ребят направляют в детгородок им. Скрипника в Ахтырке.

Детгородок расположен на реке Ворскле. Городок этот — развалины монастыря. За те два года, что я в нем пробыл, ничего он мне не дал. Я только лучше научился воровать. В 1929 г. меня выгоняют из городка и я еду в Харьков. В Харькове комиссия по делам несовершеннолетних меня направляет в коллেকтор. Так я попал в коллেকтор в третий раз. Через два месяца меня назначили командиром группы. Обязанность моя заключалась в том, что нужно было следить за поведением своей группы и дежурить старшим командиром по всему коллектору.

Коллектор — это учреждение, которое дает некоторые навыки, приучивает к дисциплине.

В 1930 г. меня за отличную работу, проделанную в коллекторе, посылают в Коммуну Дзержинского. Сейчас я уже коммунар - дзержинец и гордо ношу это звание.

Был один раз в Коммуне командиром отряда.

Мне Коммуна многое дала. Она научила меня как надо работать, а работа — это жизнь человека.

Коммуна научила меня политически мыслить. Я сейчас студент 2-го курса рабфака. Работую на заводе. Моя заводская специальность — токарь по черному металлу.

Коммуна — это что то небывалое. Здесь шлифуются люди. Здесь слово „беспризорный“ для коммунара — оскорбление. Он сейчас новый человек и по-новому думает о жизни. Закон наш прост и несложен: „Один за всех, а все за одного“.

●

Вовченко. По происхождению я сибиряк, из города Омска. После смерти матери и гибели отца в революцию 1917 г. я в 1918 г. бросаю родной край. Дома оставляю бабушку, двух младших сестер и хозяина — старшего брата. С тех пор я о них никаких сведений не имею и не знаю, что с ними.

С первого же дня на „воле“ я стал кочевать из города в город, с места на место. Посетил все крупные портовые города великого СССР. Прошел всю тяжелую беспризорную жизнь. Переезжал из города в город, с постоянной плацкартой в мягком купе: под вагоном в ящике.

Несмотря на очень трудную жизнь в связи с голодом 1920-21 г. я все же пробивал себе путь.

Вовченко, секретарь совета командиров

В 1924 г. первый раз попадаю в детский дом в Ольшанах. Детдом мне не понравился. Особенно не понравились мне воспитательские ласки, а от них я никак не мог отделаться. Постоянно гладили по головке, ходили в парочку, за ручки. Все это мне очень не нравилось и я всегда старался увильнуть от этих ласк, но не всегда удавалось увильнуть, я злился и плакал.

Но все же с тех пор я больше на улице не был, а только переходил из одного детдома в другой.

Когда меня переводили из одного детдома в другой, я просто „подрывал“ и устраивался в каком-либо доме. Иногда, уходя из детдома, я забирал необходимые мне вещи, а иногда уходил только в одежде.

В конце концов я нахожу более подходящий для меня „уют“ под Харьковом, в Куряже, в коммуне им. 7 ноября. Но и этот дом не особенно отличался от остальных. Кустарные мастерские, грязные спальни и монастырский двор с большим зданием монастыря.

Когда в Куряж переехала из Полтавы колония им. Максима Горького, я сразу увидел, что это не то, что было. Сразу в монастыре жизнь изменилась.

Приехал большой, спаянный колониистский коллектив, во главе с руководителем Антоном Семеновичем Макаренко. Ребята дружные, дисциплинированные и очень бодрые.

В первый же день меня избрали командиром отряда, сформированного из куряжских ребят и приехавших горьковцев. Таким образом я стал членом высшего управления колонии — совета командиров.

При организации духового оркестра в колонии, в 1927 г., я стал учиться играть на пиколо — флейте. В оркестре я был самый меньший и по росту и по летам.

Как раньше, так и сейчас, все ребята называют меня не по имени, а просто „Волчок“, и я никогда на них не обижаюсь. В 1927 г. 29 декабря в Харькове по постановлению Коллегии ГПУ УССР открывается Коммуна им. Дзержинского. В эту Коммуну из колонии взяли 60 колонистов.

Меня в Коммуну Дзержинского, не знаю по какой причине, почему то не взяли. Я очень обиделся, но на мою обиду никто не обратил никакого внимания.

Через некоторое время я стал играть не на флейте, а на первом корнете и стал заместителем капельмейстера.

В 1929 г. Коммуна им. Дзержинского едет в месячный отпуск на экскурсию в Москву. Я покидаю колонию Горького, перехожу в Коммуну и еду вместе с ней. В Коммуне я также стаю командиром отряда и в свою очередь заместителем капельмейстера в духовом оркестре.

В комсомоле с 28 января 1928 г. Сейчас подал заявление в партию и уже прошел приемочную комиссию.

В Коммуне я уже 3 года. Коммуной очень дорожу. Сейчас я на 3-м курсе рабфака. Полностью сдал норму на значок ГТО и уже получил значок.

Я сейчас секретарь совета командиров, голова самоуправления или, как рекомендует меня Макаренко иностранным делегациям, „президент коммуны“.

●
Анисимов. Родился я в 1914 г. на Кубани, в станице Новотройск. Отец был машинистом в Ставрополе. Во время гражданской войны вся семья выехала в Мелитополь от зверств казаков генерала Шкуро.

Из Мелитополя мы с отцом поехали в Харьков, где он заболел холерой и попал в больницу, а я остался на улице. На улице я пробыл три месяца, мне очень было плохо, знакомых и товарищей не было, приходилось воровать. В какой то краже меня поймали и отправили в эвакуприемник, где таких, как я, было около тысячи человек. Отсюда меня взяли в один из харьковских детдомов. В таких детдомах я был неоднократно, но мне не нравилось и я оттуда убегал.

Обосновался я в Куряже, в колонии им. Горького и прожил там два года. В 1927 г. в декабре месяце я попал одним из первых в Коммуну им. Дзержинского. Из этой Коммуны решил не уходить никуда, покуда не окончу своего воспитания.

Сейчас я на третьем курсе рабфака. Через год выхожу на самостоятельную жизнь.

Бронфельд. В Коммуне я уже год с лишним. Занимаюсь на третьем курсе рабфака, работаю на фрезерном станке. В Коммуну попал из киевского детского дома. Детдом был для меня и для многих таких, как я, только местом, где можно приютиться.

В 1926 г. собралась компания воспитанников, в том числе и я, и мы вместе удрали из детдома. Перед тем как удрасть от несознательности мы разбили всю посуду. На воле я прошатался 8 месяцев. Главной нашей „работой“ было вытаскивание гребешков у проходящих женщин, баловство на базаре и на берегу Днепра.

Как то раз мы за кражу попались и нас отправили, как несовершеннолетних, в коллектор. Из коллектора отправили в Ленинский городок. Там жить было хорошо, но как то раз нечаянно я разбил большое зеркало и меня за это выгнали. Я обратился в Нарообраз и меня направили в другой детдом, в котором я пробыл до 1931 г., т. е. до вступления в Коммуну.

Здесь мое 11-тилетнее путешествие по детдомам окончилось.

●
Шейдин. Родился я в Белоруссии в семье инженера. Насколько я помню, родители всегда старались меня учить. Но это меня не интересовало. Увлекался я книгами Майн-Рида и это послужило мне во вред. До 1927 г. я еще кое-как учился в школе, но в 1927 г. летом мы сговорились с товарищами и бежали на Кавказ. Через несколько месяцев я подумал о возвращении домой, но, познакомившись с безпризорными, остался на улице.

За все время пребывания на улице часто попадал в детдома, но жил в них очень мало. Не нравились мне в них и воспитатели и некоторые ребята из актива, которых новенькие называли „горловыми“. Как то в 1929 г. я попался на краже в Иловайске. Оттуда сообщили моим родителям. Приехала мать. Долго упрашивала меня вернуться, но я не соглашался. Уже после я несколько раз писал домой, но никакого ответа не было. На родине никого не нашел. Вернувшись на Кавказ, встретил Кольку Коренного и поехал с ним в Харьков, где жил все остальное время. Весной 1930 г. Колька куда то ушел и долго не возвращался. 2 мая я встретил Кольку, начал его расспрашивать. Он мне рассказал, что живет в Коммуне им. Дзержинского, там хорошо, учатся, работают.

Я стал задумываться и решил. 9 мая я сам пришел

в Коммуну. После короткого опроса меня приняли и здесь я нашел то, что мне нравится, здесь я смог ужиться. Теперь я работаю на заводе и занимаюсь на первом курсе рабфака.

●
Фомичев. Детства у меня не было до 14-тилетнего возраста, т. е. до момента вступления в Коммуну. С шести лет моя спина и все тело испытывали прелести палочных ударов. Подрастая, узнал вкус ремня от швейной машины, а потом и шнура и электрического провода.

Билотец за все. Без разбора — виновен или не виновен. Как очутился на улице — определить и сейчас не могу. Ушел бессознательно. Во всяком случае, возвращаться домой не хотел и не думал.

Живя на улице, сначала зарабатывал на питание „честной“ спекуляцией, а дальше научили воровать.

В Коммуне только и почувствовал себя как дома. Воспитание трудом и наукой определили мои взгляды на жизнь. Через два года вступил в комсомол. Сначала был как бы сбоку — припеку, пятое колесо к возу. В 1930 г. начал втягиваться в работу. По рекомендации комсомола избран членом городского совета.

Прожив пять лет в Коммуне и получив среднее образование и квалификацию токаря, я чувствую себя готовым к самостоятельной жизни.

●
Терентюк. Находясь в Коммуне третий год, я уже чувствую, что у меня есть точный, определенный путь в будущее. До этого я прожил десять лет по детским домам Нарообраза, не имея в перспективе ничего. Детдома были лишь средством для существования.

Мне было два с половиной года, когда я попал в дом младенца в гор. Петровске (это со слов оставшегося старшего меня брата).

До 4 лет я пробыл в пеленках „казенного имущества“, после чего меня перевели в дошкольный детский дом. Три года прошли без особенностей в жизни.

Следующей ступенью моей жизни был детдом школьного типа. Отсюда начинаются мои бесцельные похождения, т. е. детдом, улица, снова детдом и т. д.

Очутился я вследствие этих скитаний в Саратове, в детском красном городке. Название хорошее, но жизнь

Клава Борискина, командир группы обмотчиц,
лучшая ударница

была хуже прежней, а поэтому я поехал устраиваться на работу к брату в Харьков. Очутился в близком соседстве с Коммуной и поэтому не мог обойти ее жизнь. Занятия все таки не бросил.

С приходом в Коммуну пошел на первый курс рабфака. Сейчас токарь, занимаюсь на третьем курсе.

Скребнев. Родился в Житомире, но жизни его, его особенностей и достопримечательностей не знаю. В моем неразвитом еще тогда уме ничего не осталось от тех времен. До шести лет я о своей жизни ничего не помню, но зато, начиная с шести лет, я могу рассказать о каждом годе моей последующей жизни.

Врезался в память год гражданской войны, год разрухи, год 1919. В этот роковой год я остался без отца. Отец мой был военным комиссаром.

1919 год, лето, месяца не помню. Но хорошо знаю, что крестьяне молотили гречку и в село, находящееся в 25-ти верстах от Льгова, неожиданно наскочила деникинская банда. Забрали всех коммунистов, которые находились в селе, и расстреляли их во дворе портнихи. Звали ее „Чортова сваха“. Отца не нашли, он в это число расстрелянных не попал, т. к. косил луг...

Не знаю, через сколько времени бандиты, ограбив село, убив коммунистов, отправились в город Рыльск. В это время отец вернулся. Бандиты были на горе, около церкви. Отец зашел, кинулся осматривать документы и находящееся у него оружие. К великому счастью, все документы и револьверы были целы. Обыска у нас не было. Доктор Попов, живший в этом селе, узнав о том, что отец вернулся, немедленно побежал догонять бандитов и пре-

дал отца. Несколько офицеров, совместно с доктором, прискакали к нам на дом. Доктор Попов указал.

— Вот комиссар Скребнев.

После этих слов последовал обыск, отца забрали и увезли в Рыльск.

При отступлении деникинских войск отец был ранен часовым в правое плечо и, истекая кровью, умер. Я остался без отца.

Прожив у матери до 1924 г., я, 11-тилетний малыш, с одним товарищем Мурашевым Анатолием уехали босяковать. Сначала в Курск, потом в Белгород, Харьков, Ростов и т. д. Много жил на улице. Впервые в детдом, вернее в приемник, попал в гор. Ростове. В приемнике на 22-ой линии на Сенной площади жилось сначала неважно. Гулять не пускали, сидели взаперти, кругом проволочное ограждение. Но это продолжалось недолго. Беспорядочные ребята стали добиваться, чтобы их пускали гулять в город. Администрация согласилась пускать. Дисциплина внутри приемника значительно улучшилась, но зато все, в том числе и я, по городу очень безобразничали, брали у торговки всякие съедобные товары, ходили на Дон, купались, брали из барж арбузы. Но чего только не брали! Много об этом писать не будем, так как одними арбузами и съедобными припасами дело не ограничивалось. Были и поосновательнее дела.

Городская милиция решительно запротестовала против таких нарушений советских законов и вступилась за благополучие населения.

Всех беспорядочных ловили и отправляли в приемник на той же Сенной площади. В приемнике установился репрессивный регламент: в 9 часов всех насильно загоняли спать, никуда из двора не выпускали. В приемнике было много рецидивистов, буянов, да и вообще всех можно назвать морально дефективными. Эти ребята стали буянить, бить окна, бить воспитателей, кухарок и т. д. Администрация ничего не могла сделать, только лишь усиливала охрану. Все равно эффект от этого не увеличился. Били милиционеров, не одному доставалось камнем в голову.

Приемник расформировали. Часть отправили в город Новочеркасск, там было около 40 детдомов и реформаторов. Другую часть отправили в Азов, во вновь организуемую колонию, а третью — оставили в Ростове в детдом, так называемый Первый НЩ им. Ворошилова.

В этом доме было немного веселее. Во-первых, кругом были сады, во-вторых, всякие бакши, речка, дом отдыха,

в котором можно было бесплатно через забор посещать кино, концерты.

В этом доме я долго не прожил. Меня тянуло к чему то новому. Мне хотелось ездить, больше видеть.

В одно июльское число я и мой попрежнему неизменный товарищ — художник Мураш, больше его звали „сотвори“, покинули этот детский дом, облегчив на прощание карманы одного из воспитателей.

Поехали с Северного Кавказа на Южный. Из Ростова поехали во Владикавказ. Ну, понятно каждому, что не прямым сообщением. В городах Армавире и других, забыл какие там еще есть по пути, на ст. Кавказской приходилось промышлять. Приехав во Владикавказ и прожив в нем несколько времени, насмотревшись вдоволь всяких музеев (между прочим был там в музее Шамиля, т. е. в Ингушском), кино и прочих церемоний, я с Мурашем отправился по военно-грузинской дороге до Тифлиса.

Шли и ехали, останавливались на станциях, торчали на них по несколько дней, в особенности в гор. Душете, на ст. Пассанаура и т. д.

Большое впечатление на меня произвели кавказские горные виды, кавказские пейзажи.

Этот беспризорно-туристский переход по военно-грузинской дороге запечатлелся на всю жизнь. Очень часто приходится вспоминать вид Казбека, снеговую ночь летом на ст. Казбек, где я и Мураш чуть не окоченели от холода, не раз приходится вспоминать могучий камневорочающий Терек. Как сейчас вижу горное ущелье, Чортов мост, Нарзаны, Дарьяльское ущелье с замком царицы Тамары, реку Арагву, где меня чуть не утатило. По этой дороге вторично я проходил вместе с Коммуной, но вторично мне уж не приходилось мерзнуть и голодать.

В Тифлис мы добрались недели через две после выхода из Владикавказа. Первое впечатление было весьма плохое. Город не понравился, потому что пришли мы ночью, не знали куда идти, где переночевать.

Все парадные закрыты, есть хочется, ночью мерзли.

Но с наступлением солнечного палящего кавказского дня настроение и у меня и у Мураша переменялось. С солнцем мы были на базаре, а с полным желудком было приятно осматривать город. Тогда и Тифлис понравился.

В Тифлисе мы прожили достаточное время. Был в каком то пионерском грузинском отряде, не помню, как он назывался. Меня забрал местный работник-комсомолец. Но мне там не понравилось, и я от них убежал.

Из Тифлиса поехали в Баку. В Баку не увидели ничего хорошего и решили перебраться через Каспийское море в Красноводск, а оттуда курсировать по Средней Азии. Но этот маршрут был сорван одним из работников парохода, который меня торжественно выпроводил из трюма. Поездив некоторое время по Азербейджану, я все же решил познакомиться с Средней Азией.

Поехал через Москву, но, добравшись до Харькова, в Октябрьские дни попал в облаву и был отправлен в окр-коллектор на Малой Панасовке.

В коллекторе не помню сколько прожил, но через небольшое время меня за взятое масло из кухни хотели отправить в реформатор в гор. Лебедин. С первого раза дали строгий выговор с предупреждением.

В коллекторе я больше не мог оставаться. С первой отправкой в колонию я решил эвакуироваться из коллектора. Но так или иначе я бы не жил в коллекторе, потому что там как то странно поставлена работа: воспитанников одевают в кальсоны или трусы и заставляют делать ту работу, которая им не нравится.

Я и мой товарищ были отправлены с первой партией в колонию в Будах.

Месторасположение мне понравилось. В Будах, кроме этого, была слесарная мастерская, в которой я любил работать. Прожив некоторое время, я привык к Будянскому режиму, быту и дисциплине. Прожил в Будах до 8 мая 1929 г. Восьмого мая после некоторой работы, отпраздновав пасху в квартире преподавателя, отправился в путь далекий. При чем Среднюю Азию я пока решил отставить. Поехал в Крым.

По пути было много остановок: в Запорожье, Мелитополе, Джанкое, Симферополе. Было много проведено бесплатных рыночных сделок. Много было приключений в далеком пути. Вот вкратце маленький эпизодик.

Идет поезд, в числе пассажирских был изотермический вагон. Я знал, что во всяком изотермическом вагоне наверху в крыше есть какое-то отверстие, довольно глубокое, в нем могут свободно проехать три человека. В это то „купе“ мы и забрались. Ехали из Мелитополя. Недалеко от Джанкоя раздается музыка какого то очень действующего на нервы заунывного вальса. Мы вылезли на крышу: — Здесь надо слезть,—говорит мне Мураш.

— Слезть? Ну, давай слазить.

В это время слышим бежит ударная комсомольская бригада по борьбе с беспризорностью. Мы притихли. Все также

утихло. Кошкой стал слезать Мураш. Повис на руках, стал на тормоз, слез на место кондуктора.

Я последовал за ним, тоже повис на руках, но остался болтаться в воздухе — ноги мои еще не доросли и не доставали до тормоза.

На помощь мне подбежал Мураш. Взял за ноги и говорит шопотом: бросайся.

Я, не понимая, что делаю, бросился. Мураш не смог меня держать на вытянутых руках, за ноги перетянул меня на себя и я с шумом упал навзничь между двумя вагонами. Ноги мои остались в руках Мураша.

Я пролетел мимо буферов и крючков, сцепляющих вагоны, к счастью, не зашибся ни одним членом.

Шум между вагонами услышали комсомольцы и стали разыскивать его причину. Другие беспризорные, еще не пойманные облавой, увидя меня, стали кричать:

— Алты (что значит убегай), иначе попадешься в камеру.

Я висел головой вниз, меня держал за ноги Мураш.

Я крикнул: „бросай ноги“, он машинально бросил. Не знаю каким чудом я остался жив. Я пролетел вниз головой мимо всяких цепей, крючков, буферов и все же в облаву не попался.

Через несколько дней отправился дальше в Симферополь. Там был недолго. В Бахчисарай не заехал. На Инкермане, т. е. на последней станции к Севастополю, меня и товарища ссадили с вагона. Следующий поезд нужно было ожидать 10—15 часов. Мы были одеты, решили идти пешком через горы. Через 2 часа подходили к заводской стороне города Севастополя.

Узнав от ребят, таких же, как и мы, где центр и где базар, отправились к цели.

Переехали на катере на другую сторону и очутились в центре Севастополя. В Севастополе пришлось пожить мне долго. В историческом саду, где находится знаменитая панорама „Осада Севастополя“, жил под кустами сирени, дальше в парадных, в ночлежке. А через некоторое время субботинская облава моряков меня забрала в детдом на Пионерской улице, а Мураш за одно дело сел в Допр.

Через несколько тяжелых дней разлуки с Мурашем решил уйти из детдома и отыскать Мураша.

К счастью, его выпустили и мы решили ехать в Среднюю Азию, все же через Москву, а следовательно и через Харьков. При отъезде из Севастополя я снова расстался с Мурашем и только на ст. Лозовой его встретил. В Харьков мы приехали не помню в каком месяце.

В коллeктор попали опять, но теперь уже не с облавы, а через нoчлeжку, которая находилась на Бородинoвскoй улiцe.

Из нoчлeжки два раза убегал, но меня все же ловили. Отправили в коллeктор. В коллeкторe меня узнали, я там учился в пятой группе и довольно таки недурно.

Прошло немного времени и из коллeктора я был направлен в трудкоммуну ГПУ УССР, в которой нахожусь и до сих пор.

Коммуна мне дала очень многое. Она дала мне среднее образование, научила работать на новейших револьверных станках. Коммуна дала возможность поступить в высшее учебное заведение. Коммуне я обязан тем, что я сейчас студент машиностроительного института.

Коммуна для меня стала матерью, которая воспитывает и хочет сделать своего сына образованным человеком.

Я Коммуну никогда не забуду. Коммуна для меня дороже всего. Она поставила меня на ноги.

●

Стириус. Родился я в 1915 г. в г. Минске в семье рабочего. В 1921 г. я очутился в тяжелом состоянии — умер отец, а немного погодя мать. С малых лет я остаюсь на вольном просторе беспризорной жизни. Пробыл три года в этом ужасном просторе. Очутился в руках одной торговли, уже она меня отослала в коллeктор.

За хорошее поведение, как активного воспитанника, меня отправили в детгородок. Из детгородка меня, как лучшего, посылают в 1-ую украинскую показательную колонию в селе Тиевке. Эту колонию открыли в день юбилея Григория Ивановича Петровского.

Через год я поставил себе задачей быть комсомольцем. В 1930 г. я пишу заявление в ЛКСМУ. В 1932 г., как выдержанного воспитанника, посылают в Коммуну.

В Коммуне работаю на токарном станке и учусь на первом курсе рабфака.

Я полностью понимаю задачу выпуска 7000 сверлилок и принимаю активное участие в выполнении этого задания. Наша бригада идет первой по заводу.

●

Русаков. Родился я в семье рабочих. В 1917 г., во время стычки красногвардейских отрядов с белыми, отец был убит. Старший брат после смерти отца ушел на фронт. Вступил добровольно в Красную армию и в ней находится до сих пор.

В 1921 г. умерла мать. Брат отдал меня в приемник. Пожив несколько лет в приемнике, я попал под влияние „корешков“ и оттуда удрал.

Промышлял я по советским городам, часто попадался во время облав. Побывал в Допре, побывал и по детским домам, колониям, но нигде долго не задерживался.

В 1927 г. попал в Коммуну, прислали меня из коллектора. Коммуна меня переработала в своем котле. Долго я в коммуне работал по обслуживанию.

Попад в производственный отряд, в отряд слесарей, сразу почувствовал себя хорошо. Мне эта работа понравилась. Все время работал по слесарной части. В настоящее время работаю пом. инструктора.

Пришел в коммуну совсем малограмотным. Сейчас учусь на первом курсе рабфака.

●

Редько. Родился я в селе Мартовая, Харьковского округа в 1914 г. Родители были крестьяне. В семье я был самый маленький.

От тяжелой болезни в 1916 г. отец умер. Брат был в 1917 г. ранен и сильно заболел. Вскоре он тоже окончил свою жизнь. Остальные работали в наймах, в экономиях. После смерти отца и мачехи я жил по наймам, а в 1921 г. старший брат отдал меня в детдом.

Детдом был устроен в квартире попа, которого отсюда выгнали. С этого детдома я и начал свое путешествие по колониям, детгородкам и, наконец, попал в Коммуну, где нахожусь и сейчас.

До Коммуны им. Дзержинского я не умел ничего делать, кроме как пасти скот. Здесь, в Коммуне, я начал учиться слесарному делу и сейчас за ударную работу на производстве правлением Коммуны награжден мелкокалиберной винтовкой.

Коммуной я очень доволен. Коммуна сделала меня из пастуха квалифицированным рабочим.

Сейчас я кончаю третий курс рабфака и чувствую себя настолько подготовленным, что смело могу выйти на самостоятельную жизнь.

●

Панов. Где я родился точно не знаю — не то в Кашире, не то в Серпухове в 1916 г.

Отца совсем не знаю, мать — врач, умерла в 1920 г., я же попал в детсад и пробыл там год. Потом в возрасте пяти

лет меня перевели в детдом в г. Тулу. Из Тулы уехал вместе с братьями матери в Харьков. Прожил год и переехал в Полтаву. Удрал от дяди и пробыл около года на улице, после чего попал опять в детдом.

В Полтаве окончил 4 группы трудшколы. В Коммуну попал из Полтавской колонии в 1929 г.

Сейчас учусь на третьем курсе рабфака.

Пихоцкая. Родилась я в 1914 г. в Харькове. Когда отец уехал на фронт, то меня мать бросила с нянькой, а сама уехала в Москву с каким то мужчиной, бросив меня на произвол судьбы. Отец, вернувшись, женился на другой и мать, узнав об этом, устраивала скандалы.

Пошли неурядицы. Это было, я помню, в начале весны, когда я и отец были вдвоем в комнате, а мачеха куда то ушла. Кто то дернул дверь. Отец спросил: кто там?

Ответом был выстрел. Отец был убит на смерть. Среди бандитов была и мать. Чтобы ее не узнали, она была одета в маску. Когда возвратилась мачеха, ее на воротах ожидали бандиты. Они привели ее в комнату, связали ей ноги и руки, стали избивать. Меня тоже связали и посадили около убитого отца.

Мы остались с мачехой вдвоем. Ей нужно было с чего то жить и содержать меня.

Она вышла замуж. У ее мужа было тоже двое детей — так я очутилась у чужих.

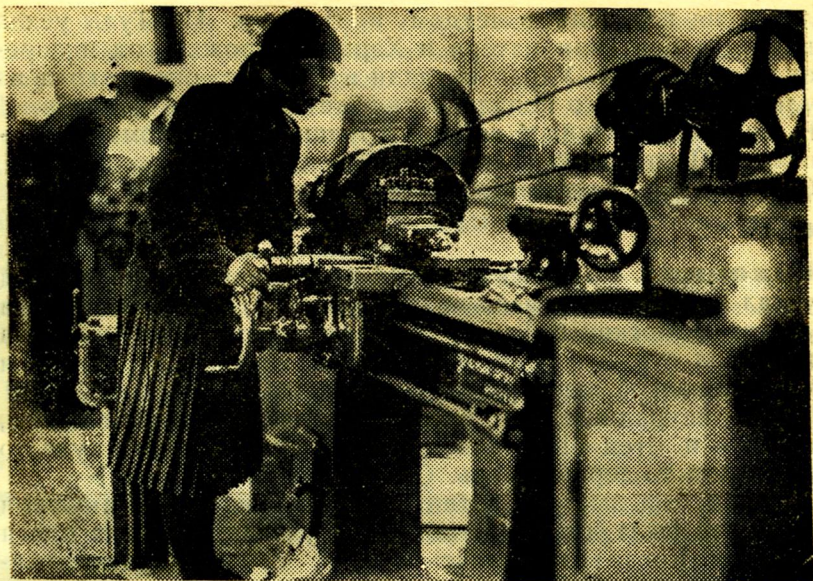
Мачеха относилась ко мне хорошо, к детям мужа — тоже, но они почему то обижались на нее и жаловались своему отцу. Из-за этого происходили часто ссоры. Мы — дети — между собою тоже жили не дружно.

Моя родная мать хотела получить имущество, которое осталось после убийства отца, но ей не давали. Тогда она решила взять меня к себе лишь только из-за имущества.

Но я ее боялась, как зверя, потому что она убила моего отца.

Я помню, это было летом. Я стояла около ворот, ко мне подошла какая то женщина и попросила проводить ее. Я согласилась. По дороге она стала расспрашивать, как мне живется. Потом предложила поехать к ней домой. Приехав к ней, я застала свою мать.

Она сразу меня на второй день одела и накупила всяких игрушек. Через несколько дней после того как я пришла, мать повела меня в суд. Она судилась за имущество. На

Лена Пихоцкая

суде была мачеха. Когда судья спросил, где я хочу жить — у родной матери или у мачехи — я ответила, что лучше у мачехи, потому что я к ней привыкла, а родной матери я боюсь.

Тогда судья сказал:

— Не та мать, которая родила, а та, которая воспитала. Так я осталась жить у мачехи.

Пришел 1921 г., когда нечего было есть. Приходилось красть пищу, которая была приготовлена неродному больному отцу.

Его дети больше всего крали, а на меня сворачивали. Что бы ни случилось, всегда обвиняли меня, потому что я была самая меньшая и чужая.

Пришла к нам моя бабушка и хотела взять меня к себе, но меня не было дома.

Когда жизнь все ухудшалась, я решила и перешла жить к бабушке. У бабушки я прожила два года. В 1924 г. родная мать забрала меня к себе. Мать жила с ювелиром. Она торговала золотом. Но дальше торговлей заниматься нельзя было и она меня стала избивать. Один раз выгнала меня из дому и сказала: куда хочешь, туда и иди.

Я пошла к бабушке, но она не в состоянии была меня содержать и отдала в детдом в Комаровку, где я пробыла целое лето.

Приехала ко мне бабушка и стала упрашивать, чтобы я вернулась к матери, но я не хотела. Она меня стала уговаривать, что мать больше не станет обижать. Я согласилась и поехала.

За то время, что я была в детдоме, мать ходила и хлопотала, чтобы ее устроили на заводе работать. Она говорила: „моя дочь находится в детдоме и мне нужно с чего то жить, потому что я хочу взять ее к себе“.

Здесь моя жизнь совсем изменилась. К нам на квартиру каждый день приходили новые и новые люди, где они с матерью и выпивали. Эти гулянья и пьянства тянулись всегда допоздна. На другой день мне приходилось мыть посуду и убирать после пьяных. Бывали такие случаи, что я пропускала школу, потому что нужно было ходить на базар и готовить обед.

Я была пионеркой в коллективе УЧХ два года, но у меня не было времени посещать коллектив. Живя в такой среде, где каждый день происходили пьянки и разврат, я поняла, что и меня это может привести к тому же.

Так как я много знала о прошлом своей матери, то она всячески старалась избавиться от меня. Она меня избивала. Я уже не могла терпеть такой жизни и написала в редакцию „Харьковский Пролетарий“ о своей матери.

2 февраля 1929 г. меня ГПУ направило в коммуну. В коммуне я живу уже 4 года. С первого же дня я коммуну полюбила. Я увидела, что передо мной лежит определенная дорога, а дома я этого не чувствовала. У нас был пущен в 1932 г. новый завод электросверлилок, который должен дать за год 7000 штук.

Первое время я на заводе работала на фрезерном станке „Корр“, а сейчас на токарном „Красный пролетарий“. Учусь на третьем курсе рабфака. В комсомоле с 1929 г.

По окончании 3 курса мне жалко расставаться с коммуной, с дружно спаянным коллективом.

Буряк. Мой коммунарский стаж не велик: всего лишь один год. Но настановка на путь, которую я получил в течение одного года, ценнее всей пройденной мною жизни.

Пришел я в Коммуну в 1931 г. из Долинского детдома, где прожил 6 лет. 6 лет жизни в этом детдоме изменили

мои уличные настроения, дали возможность закончить семилетку. До детдома жизнь моя протекала на улице, на криворожских базарах.

В Коммуне я действительно получил значительный рост во всех направлениях. Сама структура коммунарского коллектива научила меня жить трудовой, сплоченно-сознательной, коммунистической жизнью.

Сейчас я учусь на третьем курсе рабфака. Работаю в механическом цеху токарем; кроме того, наш комсомольский коллектив также воспитывает меня. Он дал мне толчок к активному участию в общественно-политической работе. Коллектив ЛКСМУ коммуны поручил мне руководящий пост члена бюро коллектива и секретаря третьей комсомольской ячейки.

Прасов. В Коммуну я пришел из коллектора. До коллектора был на улице. На улицу пошел из колонии Короленка, где меня обвиняли в воровстве. Я этого обвинения не принял и меня просто выгнали.

Проболтавшись на улице 6 месяцев, т. е. сезон, поступил в детский дом в г. Павлограде. Поступать, конечно, было легко. Придешь к заву, заявишь, что хочешь быть воспитанником и — все. Он говорит:

— Ну, хорошо, приму, а бежать не думаешь?

— Нет, — жалостно отвечаешь.

— Ну, ладно, иди знакомься с ребятами.

Я познакомился и сразу мне детский дом не понравился. Загрустил. Пробыл в нем ровно три с половиной дня и ушел. После этого пробыл на улице два с половиной года беспрерывно зиму и лето. На третьем году своего пребывания на улице я попал в облаву и был отослан в реформатор в Днепропетровск. Там держался недолго. Конечно, меня никуда не определили, потому что сотни детей улицы бежали из этих детских домов. Причина побегов самая обыкновенная. В доме ожидали материального обеспечения, а поскольку руководители не умели организовать коллектива, то ребята разбегались. Фактически детдомовского коллектива и не было. Поэтому попавший с улицы парень не был ни в чем заинтересован, каким пришел с улицы, таким и оставался в детдоме.

И вот после таких моих перебегов и скачков попал я в третий раз в коллектор, а через него поступил в Коммуну. Признаться, я побаивался, что в Коммуне все злые, жестокие, но это все были лишь сказки.

По приходе в Коммуну сразу почувствовал, как спаян коллектив, как он одним воздухом дышит, что у всех один интерес. Он, этот коллектив, лишь является инструментом по переделке бывших беспризорных.

Я поступил в комсомол и считаюсь неплохим комсомольцем. Живу я здесь уже четыре года, учусь на третьем курсе рабфака, работаю на токарном станке.

Пащенко. В Коммуну я пришел в 1929 г. До этого времени бродил по детдомам. Побывал в 15-ти детдомах, но ничего подобного Коммуне не встречал. Главное в чем разница — это производство. Оно то и закрепило меня в Коммуне.

Родился я в 1915 г. в Днепропетровске. Отец был крестьянин, но я его плохо помню. Он умер, возвратясь с войны, большой тифом. В 1921 г. свирепствующий голод погнал нас искать счастья. По дороге на ст. Константиноград умерла мать. Ее, как и всех, свалили на тачку и куда то отвезли.

Когда мы приехали в Решетилровку, меня и двух моих сестер бросила на крыльце детдома старшая сестра, а сама с братом куда то ушла, сказав, что они пойдут за хлебом.

После того я никого не видел и ничего не знаю ни о брате, ни о сестре.

Так я начал свою жизнь с воровства и детдомов и, как видно, закончу ее если не инженером, то сознательным рабочим советской страны.

Семенов. Прибыл я в Коммуну из Харьковского колледжора 25 января 1927 г. Родился я в гор. Николаеве в 1914 г. Отец мой был рабочий завода Россуд, меднокотельщик. В 1918 году мой отец пошел на фронт, оставив на попечении матери четверо детей: старше меня Ленья и двое моложе — Костя и Маруся. Маруся живет вместе со мной в Коммуне.

Моей матери было очень трудно жить с четырьмя детьми, и мы поехали в деревню к ее брату.

В деревне мать вышла замуж, но нам недолго пришлось жить с неродным отцом. В скором времени мать разошлась с ним и мы снова стали жить сами. К дядьке возвращаться с детьми было невозможно, и мы сами зарабатывали кусок хлеба на пропитание.

**Лиля Гулецкая, командир лучшего
краснознаменного отряда**

Война принесла нам и оставила в наследство как голодовку, так и смерть отца. Мать не могла найти себе работу, и нам, т. е. мне и старшему брату, приходилось побираться, иначе говоря, выпрашивать кусок хлеба.

Весной, когда голод особенно давал себя чувствовать, к нашему большому горю мать родила ребенка. Мать, больная, голодная, измученная тяжелой жизнью, умерла. Мы остались одни среди чужих нам людей.

Попрежнему начались скитания. В это время у каждого из нас не было чувства братства и каждый думал только о себе. Старший брат пошел в одну сторону, а я с меньшим — в другую; маленькую сестренку оставили вместе с мертвой матерью в надежде, что ее кто-либо возьмет к себе, а мать похоронят жители этой деревни.

Мы ушли. Долго я еще ходил со своим маленьким братом, но однажды и его потерял — так я остался один. Я уже не думал о старшем брате, а тем более о сестре, ибо брат был такой, что мог уже куда-нибудь поступить работать, а в отношении сестры я также был уверен, что и ее кто-либо приютил у себя, но за меньшего брата я все время беспокоился.

Долго искал его по деревням, находившимся вблизи местечка Вознесенска, но поиски мои были напрасны. Я его так и не нашел.

Наконец я поступил на работу на одну из мельниц. Работал в кочегарке.

Работа моя заключалась в том, что я должен был пилить дрова, подбрасывать их в котел, убирать кочегарку и т. д. Работа была мне не по силам, на мельнице я пробыл около одной недели, затем ушел искать более легкую работу.

Был помощником пастуха в немецкой колонии, позже пас телят и свиней в одной из деревень, не помню ее названия, в конце - концов поступил к одному весьма зажиточ-

ному крестьянину стеречь сад. У этого кулака я прожил около года.

У него, к моему великому горю и радости, я узнал, что в деревню Дикаревку приезжала из Одессы тетка и забрала с собой маленькую мою сестру, но т. к. не могла отыскать остальных, то уехала обратно в Одессу. Это мне рассказала одна женщина, она же рассказала мне и о том, что старший мой брат работал у одного хозяина и у него же умер.

Я долго плакал об утрате матери и брата, и горю моему никто не мог помочь.

Однажды я окапывал деревья в саду и вне сада я услышал чей то голос.

Очевидно, он относился ко мне, т. к. в саду, кроме меня, никого не было.

Я поднял голову. В калитку, которая вела в сад, заглядывал какой то пацан. Я пошел к нему навстречу и что же увидел? Это был мой меньший брат.

Я не могу описать того чувства, которое овладело мною в ту минуту. Передо мною встал вопрос: что с ним делать? Взять его к себе я не мог, потому что сам работал за то, чтобы меня кормили и одевали.

У меня был один шанс. Я рассчитывал на то, что за проработанный год хозяин даст денег на дорогу и я смогу отправить брата в Николаев к тетке.

Просить денег я не решался, а время между тем проходило очень быстро, уже созрели фрукты. Между прочим, забыл упомянуть о том, что брата взяла одна женщина из этого же села, но он немного пожил у нее, ушел и снова начал скитаться—это для него было удовольствие.

Неожиданно в то село, где я работал, приехала моя тетка и забрала с собой в Николаев и меня и брата.

Итак, я живу в Николаеве.

У тетки я прожил с 1922 по 1924 г. В 1924 г. я попал в детский дом им. Профинтерна. В этом детдоме я прожил два года. 3 марта 1926 г. удрал и уехал в Херсон. В Херсоне был на улице месяца три, затем попал в детдом им. 8 марта. В доме им. 8 марта прожил до октября месяца. В октябре поехал в Харьков, т. к. этот дом расформировали. В 15 числах ноября попал в коллектор. В нем прожил до 25 января 1927 г. Из коллектора 25 января меня отправили в Коммуну, где я живу сейчас.

Учусь на первом курсе рабфака, на заводе работаю шлифовальщиком. Работаю в драмкружке.

Старченко. Родился в бедной крестьянской семье, в 1913 г. В 1917 г. убита мать, в 1920 году умер отец — меня отдали в приют. Из приюта меня взяли старшие братья, которые сами жили на „воле“. Через год беспризорничая меня усыновила одна семья. Плохое отношение „родителей“ заставило меня убежать и от них. На лето попал в батраки к кулаку — пас скот, поганял быков, а зимой чистил скот, нянчил детей. В 1923 г. меня снова разыскали братья и взяли к себе в Харьков. Они отдали меня в детдом имени 7 ноября.

Несколько раз я собирался удирать из детдома, с нетерпением ожидал приезда колонии Максима Горького, которая переселялась из Полтавы в Харьков. Ястаю горьковцем. Плохо было жить в приюте, плохо было в детдоме — за нарушение установленных правил няньки, воспитатели раздевали догола, оставляли без пищи. Только в колонии Горького я почувствовал, что меня воспитывают, и не думал удирать.

В 1927 году переезжаю в памятник вождю, первому чекисту, в Коммуну Дзержинского.

5 лет коммунаром. За эти годы мне Коммуна стала родной семьей. Мне трудно расстаться с коллективом, а срок окончания Коммуны уже на исходе.

Сейчас работаю шлифовальщиком на заводе электросверлилок. Во время существования деревообделочного цеха в Коммуне был самым квалифицированным столяром.

В рабфаке я учусь на третьем курсе.

Член комсомола. Был командиром отряда.

●
Марусиченко. Родился я в хате бедного крестьянина на Кубани. Мне пришлось видеть тяжелые дни с 1917 по 1919 г. Хотя я был тогда еще очень мал, но я хорошо помню случай, когда белогвардейские банды нападали на наше село. Отбирали у бедных селян скот и все, что было, хлеб забирали весь под метелку.

Я помню, когда вслед за белогвардейскими бандами по селу гнались красные войска.

Не миновала и нашу бедную хатенку бандитская рука. Два белогвардейца, ворвавшись в хату, забрали все, что у нас было, вытащили весь наш хлеб и даже одежду забрали.

После налета у нас ничего не осталось, и отец надумал выехать из Кубани на Украину. Много времени пришлось валяться на станциях, иногда оставаясь на одной станции по месяцу.

По приезде на Украину умерла мать, а ровно через один день скончался и отец.

После смерти отца и матери я со своей младшей сестрой попадаем к чужому дядьке. Жизнь моя после смерти родителей стала ужасной. Спать мне приходилось под печкой, где было полно соломы, белья мне никогда не меняли, а есть приходилось только недоедки хозяйские.

В 1922 г. хозяин отдает меня в Конотопский детприемник, где материальное положение ребят было тоже плохое. Спали мы на кроватях без матрацев и одеял, на голых досках. Есть давали нам два раза в день. Через некоторое время наше положение стало улучшаться. Нам выдали одеяла и матрацы. К нам с улицы прислали новых ребят. Им было всем лет по 12—13, мне тогда было 6—7.

Когда к нам пришли большие ребята, в приемнике появились так называемые „старушки“ (те, кто эксплуатирует младших). Они начали менять пищу у ребят, меняли так, что за маленький кусочек хлеба в течение нескольких дней забирали нашу пищу. Они же стали отбирать у нас и одеяла, рвать их на обмотки и продавать.

Прожив месяцев пять в приемнике, меня перебросили в Первоповолжье, где жизнь была немного лучше, но и от туда вскоре пересылают в карантин, где находились больные чесоткой, головной болью и прочими болезнями. Из карантина отправляют в Черниговский [детсанаторий]. После двухмесячного пребывания в санатории возвращают в Конотоп, но уже в другой приемник. Из приемника в зимнее время меня отправили в местечко Батурин, в бывший монастырь, где находился детский городок им. Крупской. Монастырь, где находился городок, был в окружении красивой природы. Сам монастырь был окружен высокой оградой. Под оградой небольшая реченка, немного дальше протекает река Сейм.

В городке мы не имели никакой квалификации, у нас была только кустарная корзиночная мастерская. Школа была только первой ступени. В школу приходилось бегать босыми по снегу.

Монастырь находился в 20-ти верстах от города, в глуши леса, куда ни один звук не доходил, и когда в 1924 г. умер вождь пролетариата Ленин, то наш городок узнал об этом только через два месяца.

В 1925 г. летом этот городок переселяют в Кролевец, в котором я прожил шесть с половиной лет. В нашей жизни было очень много недостатков, дети ходили вольно по городу, крали на базаре у селян из возов их сумки с

хлебом. Кролевецкий детгородок имел тоже кустарную корзиночную мастерскую и школу первой ступени. Мастерская никакой квалификации нам не давала.

В 1931 г. я учился в семилетке. Услышав, что к нам приехали из Коммуны Дзержинского за ребятами, я попросил, чтобы и меня отправили в числе этих ребят.

Прибыв в Коммуну, я был поражен коммунарскими настроениями, их охотой к работе, к новой жизни.

Приехал я в Коммуну 5 ноября 1931 г. к 14-й годовщине Октября и живу в Коммуне всего один год, но за этот год я очень многому научился. Работаю на токарном станке, учусь на втором курсе рабфака.

Литвинова. Исполнилось уже пять лет моего пребывания в Коммуне. До Коммуны я жила в Брусиловке в детском городке. Отдаленное, заброшенное место, вокруг разослались пески, сосны шумят, покачиваясь с боку на бок. Издали виднеются красные верхушки крыш корпусов. Корпуса стоят словно паровозы, все одинаковые, как по шаблону. Около корпусов журчит ручеек, который втекает в ставок. При входе во двор видать босых, чумазых ребятшек, которые бездельничают, играют кто в цурки, кто в мяча. Завгор кричит: „Ребята, почему вы не на работе?“ Ребята, услыша его голос, скрываются в лес, но на работу не идут. Работать на поле летом под жарким знойным солнцем не хочется, и ребята, как дикари, скрываются в лесу, бродят там до самого вечера.

В Брусиловке были только кустарные мастерские. Школа при городке слабая. Ребята плохо относились к занятиям, кто хотел заниматься, тот посещал уроки, а многие уходили в спальни спать.

Брусиловская жизнь меня не интересовала и мне хотелось скорее оттуда вырваться.

И вот мое мечтание исполнилось. Меня отправляют в Коммуну им. Дзержинского. Жизнь в Коммуне мне очень нравится. Коммунары живут дружно, учатся, работают. Коммуна шаг за шагом движется вперед.

Если в Коммуне раньше были кустарные мастерские, где каждый работал по-своему, то теперь имеется свой прекрасный завод электросверлилок, где все вместе сплоченной коллективной массой вырабатывают электросверлилки, выполняют свои планы. Коммунары далеко подвинулись вперед как на производстве, так и в учебе. Каждый коммунар старается до выхода из Коммуны набрать как можно

больше знаний. Учусь на втором курсе рабфака. На производстве работаю на прессу.

Лазарева. Родилась я в Константиновке в 1916 г. Мой отец был шахтер и когда он поехал за деньгами, его убили бандиты. Это было в 1921 г. После смерти отца мать сильно заболела, а меня тетка отдала в детдом в Никитовку. Там меня начали учить грамоте, но я там пробыла всего один год, после чего мать забрала к себе.

Не прожила я у ней и года, как она снова отдала меня в детдом в Богодухов.

Тут была „воля“. Хочешь итти в школу — ходи, не хочешь — не надо. Мне было 7 лет, поэтому я в школу не ходила. Мне хотелось побегать, поиграться, а не ходить в школу. Пропустила я таким образом два года. Лишь потом начала продолжать свою учебу.

Работали летом на поле и малые и большие.

После шести лет пребывания в Богодухове я была еще в одном доме, откуда меня уже переслали в Харьков в коммуну им. Дзержинского.

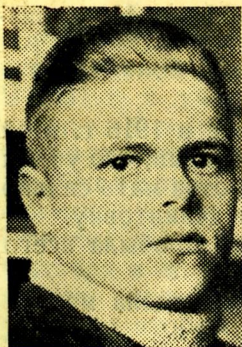
Как видите, я пропутешествовала во многих домах, но лучший из всех этих домов, эта все же наша коммуна, где я живу уже три года. Меня воспитывает коммунарская дисциплина и сами коммунары. Теперь, когда мне уже пятнадцать лет, я понимаю, что такое учеба, что такое дисциплина и что такое игры. Состою в кружке им. т. Балицкого (живгазета). Учусь на первом курсе рабфака. Работаю на токарном станке.

Локтюхов. Смутно припоминаю свою раннюю детскую жизнь. Помню только то, что я с ранних лет пас у бабушки коров. Нас, т. е. братьев и сестер, жило у бабушки пять человек, среди них я был самый младший, потому мне и досталась такая обязанность — пасти коров. Исполнял я эту работу еще малышом в 1921 г., когда мне было шесть лет.

В 1921 г. настало тяжелое время для моих родных и меня отдали в так называемый детский городок. Прожила там с января до января и на второй день рождества, босой, полураздетый, я убежал оттуда домой.

Несколько дней я прожил дома спокойно, но потом мне пришлось отбивать многочисленные атаки бабушки, заставлявшей меня возвратиться в городок. В конце концов

Алеша Землянский, самая популярная личность в Коммуне, прозванный „Робеспьером“

моя взяла верх и я остался жить дома. До 1923 г. я жил дома, не зная, что ожидает меня впереди.

Это произошло 5 мая 1924 г. В этот день я заснул на пастбище, коровы ушли на кладбище и их там арестовали, а хозяев заставили платить штраф в размере 35 рублей за потраву. Бабушка деньги заплатила, а меня без лишних слов выгнала из дому: иди, куда угодно.

Два месяца я жил у тетки, но она уехала в Оренбург, а я остался без крова и без пищи. Пришлось идти бродяжничать. Скоро благодаря моим „коллегам“ я очутился в нескольких километрах от Казани. „Работать“ меня научили в течение 3—4 месяцев. „Работал“ я только на железной дороге. В городах не был, а если и случалось, то там я оказывался совсем беспомощным. Везде народ, толпа, милиция. А на поезде — выкинул из вагона вещь, а за ней и сам. Но бывало, что и попадался.

Побывал я во многих городах. Приедет поезд в город, я слезу и уже ищу, где стоит готовый к отходу состав.

Ездил я и на пароходах по Волге. Изъездил ее всю от Нижнего Новгорода до Астрахани. Самым интересным городом была тогда Астрахань.

3 вокзала, 18 пристаней. С 17 пристани уходили пароходы в Каспийское море. С одним из них я отправился в Баку. Правда, на рейде была пересадка на морской пароход. Удалось мне и туда попасть. Ехали мы до Баку три с половиной дня. За это время ничего особенного не случилось, только какой то почтенного вида дядя, прослезившись от жалости ко мне, предложил вдруг меня усыновить. Но, видя мой беспокойный характер, отбросил это намерение и сделал вид, что не узнает меня.

В Баку пароход приехал в 12 часов дня, а в 2 часа я уже

был в дороге от Баку к Тифлису. Из Тифлиса в тот же день выехал в Батум.

В Батуме встретил тов. Блата, который возвращался в Харьков. Он предложил мне ехать в Харьков, где в то время строилась Коммуна. В тот же день в 9 часов мы выехали. В вагоне произошел такой случай. Стою я вечером часов в 10 в тамбуре вагона. Поезд шел совсем медленно, т. к. была сильная буря. Я случайно взглянул на край крыши и заметил, что там сидят каких то два человека и курят. Я закрыл боковые двери на замок, но дверь для перехода из вагона не заперлась.

Два типа влезли в эту дверь. Первым долгом сочли нужным дать мне в зубы, потом стали лазить в ящиках для инструмента, взяли оттуда моток проволоки и еще что то. Попытались открыть дверь вагона, но не смогли, т. к. ключ я спрятал.

Тогда они стали агитировать меня, чтобы я им помог ограбить вагон, обещая мне всякие блага.

Я с виду с ними согласился, но в душе решил помешать им. Для этого я взял у них проволоку, якобы для того, чтобы всунуть ее в вентиляцию на крыше и вытянуть таким образом что-либо. Они согласились. Я полез на крышу (причем чуть не слетел от ветра), выкинул проволоку и перелез на другую сторону вагона, где все это дело изложил проводнику.

Лазя по крышам, я встревожил весь поезд и охрану. Тут поезд подошел к станции и началось тут такое: ловили, ловили бандитов, наконец загнали в угол и отвели в камеру на станцию. Меня взяли для свидетельства.

Пока я там все рассказывал, поезд ушел. Но мы его все-таки с красноармейцем догнали.

Когда я приехал в Харьков, меня направили в совхоз имени Балицкого, бывш. „Червоні Зорі“. Там я прожил с 24 сентября по 25 декабря, а 25 поступил в Коммуну. Я на втором курсе рабфака, хорошо учусь. На заводе токарем. Принимаю участие в коммунарском самоуправлении. Работаю также в бибкружке.

●

Бакурин. Я живу по детдомам с 1920 г. Полтора года был на улице, попал в Козелецкий детдом, отсюда убежал в Нежинский детгородок. Здесь было плохо. Воспитателей было мало, никто не хотел идти на воспитательную работу. Жили почти так же, как и на улице. Воспитатели боялись заходить к нам в спальню.

По постановлению Нарообраза, в 1924 г. детгород переехал в Качановку, в 20 километрах от железной дороги. Здесь дисциплина еще более расклеилась. Пацаны воровали, обворовали швейную мастерскую и продуктовую кладовую. Шамовка была плохая и пацаны были недовольны. Во всем винили воспитателей.

Это недовольство вылилось в открытый бунт против воспитателей. Воспитателей избили и они удрали из детгородка.

Через несколько дней бунт кое-как утих, многих пацанов отправили в коллатор. Осенью жизнь в детгородке пошла попрежнему. Я поехал в город Чернигов, чтобы устроиться на работу или учиться, но там тоже было плохо и я вернулся назад. Здесь уже была получена телеграмма о выезде в Коммуну. Все было готово и опоздай я на несколько часов, я бы в Коммуне не был.

Я пришел в Коммуну в день 14-тилетия Октябрьской революции. Непривыкшему к дисциплине, сначала было трудно привыкать, но через год понял, что дисциплина нужна каждому. Сейчас работаю в сборном цеху, учусь на втором курсе рабфака. Комсомолец.

Боярчук. Родился в Польше в 1915 г. в деревне Дублинец. Родители были крестьяне. В 1916 г. они переехали на Украину, в Донбасс. Через 3 месяца отец умер, потом умерла мать. Меня отдали в детдом в гор. Гришино, где я пробыл до 1923 года и откуда удрал на улицу.

На улице пробыл до 1926 года, изъездил весь СССР — Ленинград, Москва, Крым, Кавказ и т. д., остановился в Харькове, попал в коллатор, а из коллатора в Буды, оттуда меня направили в Коммуну.

Квалификация моя инструментальщик; электромонтер Коммуны; сейчас нахожусь временно в сборном цеху для помощи по сборке выключателей. Учусь на втором курсе рабфака.

МАРШ

ДЗЕРЖИНЕЦ

муз. В. ЛЕВШАНОВА

Handwritten musical score for piano, consisting of six systems of staves. The notation includes treble and bass clefs, key signatures (one flat), and various musical notations such as notes, rests, and dynamic markings.

System 1: *ff* *Andante*

System 2: *p*

System 3: *ff marcato*

System 4: *ff marcato*

System 5: *2*

System 6: *Trio* *ff* *p*

Дзержинцы, дни прекрасные
Впереди цветут.
Вас знамена красные
К лучшим дням ведут.

Великими дорогами
Коммуна пусть идет,
Эй, веселей, эй, веселей...
Трубами, вперед!

Дни тяжелые забыты,
С лучшей долей, с лучшей волей
Наши жизни перевиты
Песней молодой.

Коммунары, трудовой дорогой,
Вспоминая подвиги отцов,
Бодрым маршем идите к жизни новой
Маршем радостным новых борцов.

Содержание

Всем начальникам и сотрудникам местных органов ГПУ Украины	7
Пятилетие. Ал. Броневой	9
Перевернутые страницы (вехи, события, факты)	15
Конституция страны ФЭД	32
Педагоги пожимают плечами. А. Макаренко	39
Один день коммуны	52
Командиры станков. Т. Татаринов	60
Рождение марки „ФД“. Инж. П. Силаков	67
Мы в комсомолки живем. С. Швед	76
Дела и люди. Мих. Букшпан	81
Бывшие — будущее. Автобиографии коммунаров	89
Дзержинец. Марш	121

